

ISSN 1681-1941

январь 27, 2015

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

HIC TUTA PERENNAT

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

НИС TUTA PERENNAT

Двуглавый орел, держащий в лапах книгу, — герб Санкт-Петербургского университета, созданный на основе исторического герба Академии наук. Санкт-Петербургский университет является единственным вузом России, который легитимно пользуется российским орлом в своем гербе.

Надпись «Nis tuta perennat» является девизом Университета. В переводе с латинского она означает «Здесь в безопасности пребывает».

Главный редактор:
Вера СВИРИДОВА

Заведующий редакцией:
Елена ОСИНОВСКАЯ

**Заместители
главного редактора:**
Юлия СМИРНОВА
Евгений ГОЛУБЕВ

Выпускающий редактор:
Елизавета БЛАГОДАТОВА

Корреспонденты:
Екатерина КОВАЛЁВА
Елизавета БЛАГОДАТОВА

Фотокорреспондент:
Михаил ВОЛКОВ

Фото на обложке:
SHUTTERSTOCK.COM

Дизайн и верстка:
Ольга ПРИВАЛОВА

Корректор:
Елизавета БЛАГОДАТОВА

Обработка фотографий:
Ольга ПРИВАЛОВА

Тираж: 600 экз.
Распространяется бесплатно

Адрес редакции:
Санкт-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21

Телефон редакции: 328 01 62

E-mail: journal@spbu.ru
URL: http://journal.spbu.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-5219 выдано 18 мая 2001 г. Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. ISSN 1681-1941.

Учредитель:
Санкт-Петербургский
государственный университет

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

При цитировании и перепечатке ссылка на журнал «Санкт-Петербургский университет» обязательна.

Рукописи и фотографии не возвращаются и не рецензируются.

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2015

Глубокоуважаемые ветераны, труженики тыла! Дорогие универсанты! От имени коллектива Санкт-Петербургского государственного университета и от себя лично поздравляю вас с Днем полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады!

27 января 1944 года закрылась одна из самых драматических и героических страниц Великой Отечественной войны. В мировой истории невозможно найти более великого примера невероятной стойкости, мужества, преданности и любви к своему городу, воли к победе, оказавшейся сильнее смерти.

Сегодня мы склоняем головы перед памятью жителей и защитников города, наших родных и близких, подаривших нам возможность мирно жить и трудиться.

Примите в этот светлый день самые искренние пожелания счастья, здоровья и долгих лет жизни. Спасибо вам за все доброе, что вы сделали и продолжаете делать для нашего города и нашего Университета.

**Ректор СПбГУ, профессор, д.ю.н.
Н. М. Кропачев**

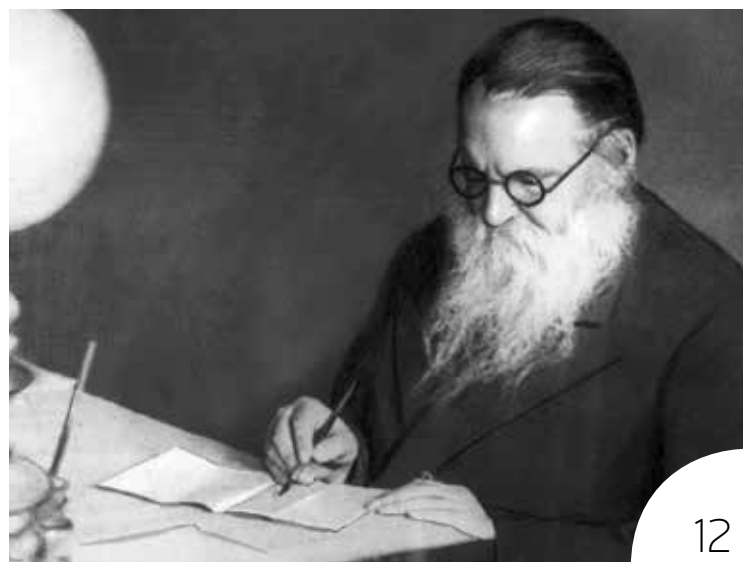
- 3** **Отряд «Ингрия» в поисковом сезоне 2014 года**
За прошедший год университетские поисковики обнаружили 215 бойцов Красной Армии

- 5** **Детство в блокадном Ленинграде**
Профессор Александр Николаевич Ласточкин публикует блокадные рисунки отца

- 9** **Труд и быт пожарной команды МПВО химфака. Осень—зима 1941—42 годов**
Воспоминания Тамары Соколовой, студентки ЛГУ в 1939–1942 годах

- 12** **Алексей Алексеевич Ухтомский: личность ученого в период блокады**
Почему академик Ухтомский не покинул Ленинград

- 15** **«Нетленный стебелек на камне»**
Михаил Иванович Стеблин-Каменский: остаться ученым и победить

Отряд «Ингрия» в поисковом сезоне 2014 года

Автор: **Евгений Васильевич ИЛЬИН**, командир поискового отряда «Ингрия», доцент СПбГУ (кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах), к.и.н.

Зимой, когда очередной поисковый сезон завершен, приходит время в очередной раз оглянуться назад, осмыслить проделанное в течение года, наметить главное, не потеряться в текучке ежедневных забот.

2015 год — год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне — обязывает нас ко многому. Знаменателен он и для отряда, которому в марте исполнится 15 лет. Сколько событий, дел больших и малых сделано за это время. Что-то уже забылось, превратилось в легенды, которые передаются новичкам во время вечерних посиделок у костра; что-то настолько врезалось в память, что и сегодня не перестаешь удивляться, с нами ли это было. Все поисковики цепко держат в памяти свою первую Вахту Памяти. А этих экспедиций за плечами отряда уже 43, общая продолжительность которых составила 635 суток. Если сюда добавить 10–15 одно- и двухдневных выездов на разведки в течение каждого года, время, проведенное бойцами отряда в поиске, приблизительно 800 дней.

Выезды «на войну после войны» мы по-прежнему совершаем в Кировский район Ленинградской области, который стал для нас родным и близким, а знания о характере и ходе боев на отдельных участках фронта стали более детальными. Как преподавателя меня радует, что студенты гуманитарных и не гуманитарных факультетов потянулись к книгам о войне, что способствует их интеллектуальному росту. Казалось, количество бойцов и командиров Красной Армии, не вышедших из своего последнего боя, должно уменьшиться. В практике отряда наблюдается иная картина, количество обнаруженных солдат увеличивается: в 2012 году было найдено 98 человек, в 2013 — 184 человека, в 2014 году — 215 человек. Причины этого, на наш взгляд, просты: за время поисковых

работ приобретен опыт, который позволяет сегодня реализовывать самые, казалось бы, фантастические проекты, и не только в поиске. Эта убежденность покоится на прочном фундаменте сплоченности коллектива, его самоотверженной работе.

Поисковый сезон 2014 года мало чем отличался от поиска двух последних лет. Мы прочно «осели» в болотах Кировского района, чередуя попеременно болотистые низины у бывших деревень Гайтолово, Тортолово, Вороново... В шутку бойцы отряда стали называть себя «болотными солдатами» Волховского фронта. Далеко не каждый отряд способен вести поиск в таких условиях. Работать в болотистых низах, залитых водой, не просто сложно, а исключительно сложно и тяжело. Всякий раз, обследуя во время разведок такой участок, где намечалось проведение Вахты Памяти, я задавался вопросом: «А сможем ли?» На этот счет в отряде есть один ответ: «Если это смогли сделать наши солдаты, сделаем и мы». И это не пустое бахвальство, а уверенность в своих силах, осознание необходимости работы именно здесь. Ударная группа в лице бойцов отряда Алексея Чупикова, Евгения Саганчи, Олеси Чуприна, Павла Сотника забиралась в такие гиблые места, что они в отряде получили названия — «асоциальное болото Чупикова», «болото Саганчи», «плантация Павла» и т. д. Каждое из этих мест, несмотря на шуточные названия, отражает те или иные особенности поиска. Так, «асоциальное болото Чупикова» запомнилось не только тем, что под ногами колыхалось болото, к этому мы уже привыкли, а зарослями ивняка, который стеной стоял на месте жаркого боя моряков 73-й отдельной морской стрелковой бригады в сентябре 1942 года. Даже прорваться через такой часток было трудно, а уж вести поиск... Здесь развернулись «бои местного значения», где каждый боец отряда, вооруженный лопатой и металлоискателем, вел упорную борьбу с торфяной кашей, корнями деревьев, водой, вырывая

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

Студентка **Маргарита Закуанова** в поиске

у болота погибших защитников Отечества. Самое главное при подъеме погибших солдат из торфяной жижи — не пропустить ни одной вещи, пусть даже незначительной. Здесь на помощь приходят Мария Ходасевич, Александра Лапченко, Алесья Андреева, Арсений Кочергин. Свою качественную работу они подтверждали не раз, обнаруживая медали, медальоны, нательные иконки, другие вещи, позволяющие установить имя погибшего красноармейца.

Природа — не враг поисковика. С ней мы дружим, относимся максимально бережно. Гораздо большее влияние на все стороны походной жизни оказывает погода. В этом году наиболее тяжелой стала 41-я (весенняя) экспедиция. Первые четыре дня теплой и солнечной погоды сменились дождями, снегом, северными ветрами с Ладоги, да так и сопровождали нас всю экспедицию. Запала и энергии при 10-часовом рабочем дне, когда еще никто не устал, хватает на 7–8 дней. После этого нарастает усталость, определить это не сложно: бойцы отряда начинают мало есть, после вечернего построения все стремятся быстрее разойтись по своим палаткам, затягивается утренний подъем... Своевременно принятые меры позволяют уменьшить рост негативных тенденций, одно из действенных средств — увеличение времени на сон. Сдвиг подъема на 1 час оказывает благотворное влияние, а если рядом есть река или озеро, восстановление бойцов

Портсигар с гравировкой «Ерыкалов Иван Степанович, 1897 г.р., Горьковская обл., Салгановский район, дер. Салганово»

Информационный стенд, установленный у озера Барское на месте ожесточенных боев

отряда гарантировано. Часть отряда занимается водными процедурами по утрам, все без исключения забираются в воду вечером, нередко в рабочей одежде, вызывая удивление дачников и кислые выражения на лицах рыбаков.

Важнейшее место в походной жизни отряда принадлежит камбузу, здесь начинается царство почетного бойца отряда, доцента СПбГУ (кафедра немецкой филологии) Татьяны Витальевны Пономаревой. При нашей перманентной финансовой нищете стоит в очередной раз удивиться, как ей удается за один раз кормить от 20 до 70–80 человек, и не просто кормить, а отменно вкусно. Не забыты и отрядные гурманы, удовлетворяющие свои кулинарные запросы утренними кашами с вареньем из черники, брусники, компотами, киселями и, конечно, борщами, щами... Сейчас в деятельности отряда наступило определенное затишье. Наши силы сосредоточены на обследовании территории будущего строительства города-спутника «Южный» в Пушкинском районе Санкт-Петербурга. Одновременно с этим идет подготовка к выставке отряда в штаб-квартире СНГ — Таврическом дворце, посвященной битве за Ленинград. Деятельность отряда в этом направлении является одним из основных составляющих нашей многогранной работы, главная и неизменная цель которой — сохранение истории России.

ДЕТСТВО В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

РИСУНОК Н. А. ЛАСТОЧКИНА

Автор: **Александр Николаевич ЛАСТОЧКИН**, Почетный профессор СПбГУ (кафедра геоморфологии), д. г.-м.н.

Ниже публикуются мои детские воспоминания о блокаде. Я хочу рассказать о нашей семье, о моем отце, театральном художнике Николае Александровиче Ласточкине, и показать его рисунки, сделанные непосредственно в блокадном Ленинграде.

В пустой холодной коммунальной квартире на улице Восстания, дом 40/18 мы жили одни в самой маленькой комнате, где хоть частично можно было сберечь тепло. Одни наши соседи эвакуировались, другие умерли, и некоторые из умерших, еще не вывезенные на Пискаревку, лежали, завернутые в простыни и скатерти. Капитальная печь практически не нагревалась сама и не обогревала комнату, а играла роль дымохода. Обеспечивала нас малым количеством тепла лишь буржуйка. Жадно питалась она отпиленными отцом

ножовкой от дедовской мебели кусочками красного дерева, мореного дуба и карельской березы, перил парадной лестницы, подобранных досок, а также томами энциклопедии Брокгауза и Ефрона, многотомной историей искусств Гнедича, собраниями сочинений классиков, никому не нужными сейчас пожелтевшими эскизами и не так давно нарисованными отцом афишами к театральным спектаклям и цирковым представлениям.

Отец был художником театрально-постановочного комбината, который располагался на задах Большого академического театра им. Горького. В октябре – ноябре 1941 года папа еще ходил иногда на работу, где уже никто не работал, в цирк и в некоторые театры, для которых им ранее выполнялись эскизы к спектаклям и представлениям. Надо было преодолевать сугробы не только на маленькой улице Рылеева, но и на Невском проспекте, где перестали ходить трамваи и ездили

по единой колее грузовики с покойниками и военными грузами. В проходной комбината сидел, чуть ли не обнявшись с буржуйкой, охранник. В комбинате еще проводили партийные собрания несколько совсем изможденных и пожилых людей, которых по состоянию здоровья никуда не брали: ни в армию, ни в милицию, ни в пожарные, ни на рытье оборонных сооружений и копку овощей. Свою профнепригодность они сознавали, и первое время ходили через замерзший город на бывшую работу, чтобы как-то ощущать себя в общем блокадном деле. Сидели и слушали вместе радио — черную тарелку с головами О. Берггольц, Ю. Левитана и других.

В армию отца не брали как инвалида-сердечника: с 27 лет он и часа не мог обходиться без нитроглицерина — тогда единственного лекарства, на короткое время расширяющего сосуды сердца. До сих пор помню, что носил он нитроглицерин во многих карманах костюма и пальто в маленьких флакончиках из-под пробных женских духов. Часто мне с огорчением приходилось видеть, как он останавливался, борясь с отдышкой, принимал нитроглицерин, касаясь кончиком языка отверстия этих небольших емкостей.

Сначала отец собрал и возглавил в нашем доме пожарную дружину. Затем, поняв, что выполнять возложенные на пожарного обязательства он не сможет даже с нитроглицерином во всех карманах пальто, предлагал ПВО свои знания и способности театрального художника для маскировки важных объектов города от авиации противника. И когда это предложение было отвергнуто в связи

с отсутствием необходимых материалов и физических сил (нужно было часто забираться на верхние точки осажденного города), ему осталось ходить к себе на работу не только для того, чтобы пообщаться со своими товарищами, но и в надежде найти что-то, что могло бы сгореть в буржуйке или что можно было бы съесть. К последнему относился главным образом столярный клей, который широко использовался при создании декораций к довоенным спектаклям. Уже после войны я долго не мог есть похожий на этот клей по консистенции и внешнему виду студень, распространенный тогда на праздничных столах. Ужасный запах этого варева мне снится до сих пор.

Помогло нам и еще одно обстоятельство. Дружившая с нами семья не могла больше кормить свою собаку. Ну и уничтожить ее тоже не могла. Они привели ее к нам. Как убил ее отец, не знаю. Он даже после войны мне об этом не рассказывал. Я до сих пор не могу понять, как он это сделал. Ведь он не убил ни одного живого существа больше комара. Даже клопов после блокады у нас в комнате ликвидировала только мама со своей сибирской решительной закваской. Думаю, что собаку отец убил с помощью соседа, поделившись с ним оставшимися после нее костями: мяса на ней уже не было.

Вокруг нашей буржуйки в отгороженном ширмой пространстве мы сидели втроем, одетые как капуста в кофты, шубы, одеяла, и, как мне казалось, каждый стерег свою маленькую пайку хлеба и получал свою

РИСУНКИ Н. А. ЛАСТОЧКИНА

маленькую пайку тепла. Это уж потом я в экспедициях в зоне многолетней мерзлоты и на горных ледниках, вспоминая это и испытывая нечто подобное, понимал, что холод страшнее голода. Кусочки хлеба с опилками и отрубями на буржуйке медленно превращались из глиноподобной массы в трудно разгрызаемые сухари. В этой трудности был главный смысл: хлеб съедался с минимальной скоростью, и еда растягивалась на несколько часов. Мы немного согревались, предвкушая «обильный» ужин с обжигающим внутренности морковным чаем и хлебом. Иногда, еще в начале осени, к обеду отец принесил пол-бидончика овсяного супа, полученного им по карточкам в считавшейся лучшей (думаю, в связи с убийством выступавших на арене зверей) столовой цирка или из буфета какого-нибудь из театров. Кусочки хлеба бдительно оберегал отец, чтоб они не пережарились и не сгорели. Я не менее бдительно следил, чтоб моя личная пайка перешла ко мне без хищения со стороны неведомых врагов. Хотя никто, конечно, из моих добрых родителей на нее не покушался, но она, высушиваясь, все-таки скукоживалась, что не могло не вызвать у меня слез сожаления и соплей из-за хронической простуды. Иногда это кончалось моими агрессивными действиями по защите пайки. Один раз с криками: «Мои хухарики!» — я попытался их захватить, и в результате контакта с перегретой буржуйкой получил сильный ожог руки, след от которого сохранился до сих пор. Лишь небольшие кусочки от маминой и папиной долей успокаивали меня, и мой детский эгоизм на время притуплялся.

Мама до блокады работала в ТЮЗе актрисой в амплу трагедии. ТЮЗом руководил Александр Александрович Брянцев, имя которого театр носит теперь. Этому имени я мысленно кланяюсь и сейчас, ибо оно неоднократно спасало нас от неминуемой гибели во время войны. Вся питерская детвора, пожарные, милиционеры и другие представители считавшихся тогда самыми добрыми профессий его очень любили. Сохранившись у нас фотографии свидетельствуют о его истинной демократичности, если таковая вообще существует.

Где-то уже в начале марта 1942 года маме сообщили, что для нас троих оставлены места в грузовике для переезда через Ладогу (по Дороге жизни). Мы начали суетливо собираться. Папа уже не ходил. К тому времени он настолько похудел, что мог влезть даже в мои санки. Маме пришлось тащить их с папой, державшим в руках меня и единственный узел на всю семью, по улицам Рылеева и Пестеля до Моховой. Далее мы хотя и медленно, но благополучно переехали Ладогу, объезжая частые воронки от немецких бомб

и места ухода под лед других машин с несчастными пассажирами. Как пересаживали отца с машины на поезд на станции Кобона, я не видел.

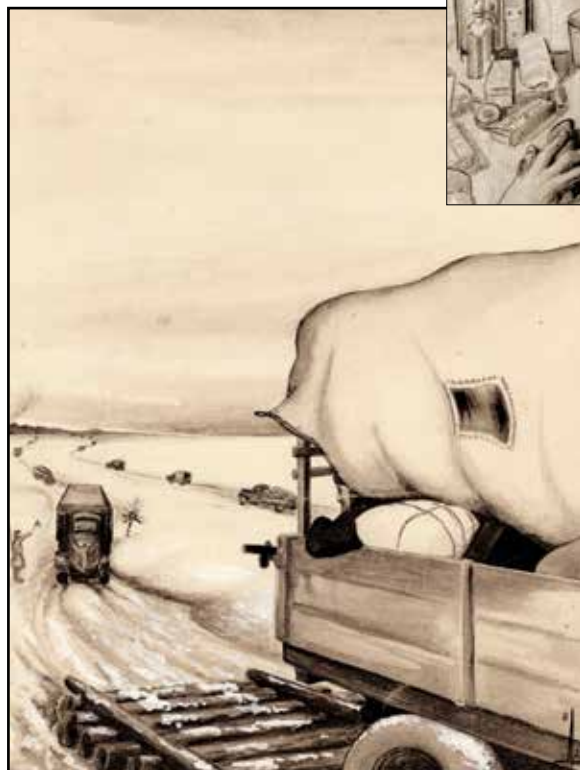
В нашем вагоне было отдельное купе для трупов, которые начали накапливаться еще на Ладоге. За время нашего движения на поезде довольно скоро это купе нельзя стало закрыть: мешали замерзшие ноги и руки умерших, а ехавшим людям не хватало сил положить их в каком-либо порядке. В этом купе оказался и мой отец, внешний вид и практическая неподвижность которого убедили сопровождающих нас людей в военной форме, что он является подходящим пассажиром для этого помещения. Но моя героическая мама не согласилась, и на остановке за два флакона одеколона попросила оказавшихся на станции здоровых мужиков выгрузить его и меня на перрон. Поезд ушел дальше на восток, а мы остались на заснеженном перроне станции Ефимовская недалеко от Тихвина. С перрона мы перебрались в пустынное и вымороженное здание вокзала, где находились в течение трех дней. Уже даже у мамы не хватало сил пойти на поиски какого-либо теплого жилья. Мы сидели на скамейке, обнявшись, и дышали внутри нашего семейного клубка, чтобы «эндогенное» тепло из него не уходило как можно дольше.

Спасение пришло в лице уборщицы станции. Я ее не помню, но она мне и сейчас представляется вдовой средних лет, согбенной и морщинистой от военного горя, с добрым и понимающим лицом, держащей за руку уже большого (относительно меня) сына. Портреты таких женщин войны я потом долго рассматривал на выставках Ильи Глазунова (низко ему кланяюсь за них!) и, будучи уже взрослым человеком, не мог сдержать слез. Все они в фуфайках, плюшевых куртках, замотанные серыми платками, были чем-то похожи друг на друга и на нашу спасительницу. Военные матери России, уже простившиеся со своими мужьями и детьми или еще с горькой надеждой ждущие от них заветные треугольнички. Им, работающим в госпиталях и на фабриках и убеждающих начальство, что они курят, выдавали по две пачки махорки в месяц. Они охотно брали их, чтобы выменять на хлеб для родных. А чаще всего они в конце концов сами привыкали к этому зелью, потому что без жадной затяжки махры невозможно было дождаться очередного прихода почтальона с треугольниками, в которых содержалась вся их жизнь или смерть. Мои мама и папа тоже курили махру, завернутую из газет ловкими мамиными руками в изящные папиросы. И я тайком, правда, уже после войны, пристрастился к этой заразе, потому что от нее в тело проникали маленькие порции тепла, и существование становилось спокойнее.

Александр Николаевич ЛАСТОЧКИН:
«Отец нарисовал и наш переезд
через Ладогу, и комнату в избе нашей
спасительницы»

РИСУНКИ Н. А. ЛАСТОЧКИНА

В бревенчатой избе нашей спасительницы нам была выделена большая чуть теплая комната, которую отец, выздоровев, с любовью нарисовал. Практичная мама, оказывается, имела в запасе кое-какие ювелирные изделия, на которые мы купили козу. На остатках сена (от погибшей в бомбежку коровы), подмороженной картошке и козьем молоке, а также на хлебе по карточкам мы кое-как дотянули до тепла. Появились одуванчики, молодая крапива и много другой зелени, которую нас научили собирать и варить. Отец потихоньку поправлялся и, наконец, встал. Я вместе с козой ел траву без разбора, потом меня тошнило, но я все равно ел. Коза позволяла мне чесать свой лоб между симпатичными рожками, правда, до тех пор, пока ей это не надоедало. Тогда она бляяла и этими рожками бросала меня в нокаут. Я громко ревел, на что никто не обращал внимания. По понятным мне сейчас причинам, все очень любили козу и сочувствовали больше ей, чем мне.

Мы, мальчишки, на станции Ефимовской видели пришедшие со стороны Ленинграда особо конвоируемые составы с зареше-

ченными окнами телятников, а у стрелков охраны были сняты с предохранителей автоматы. Мы, дураки (и я в том числе, самый малый и поэтому абсолютно ничего не понимающий), весело и громко кричали тем людям за решеткой: «Людоеды! Людоеды!» Взрослые рядом с нами, хотя и бросили нам тихо это страшное слово, смотрели на тех людей в упор и расходились молча, когда поезд отправлялся далее. Только потом я осознал, чем отличались от наших детских игр с деревяшками в руках взрослые действия в отношении каннибалов, переступивших страшную черту. Этот страх напал на меня и тогда, когда я случайно узнал, как погиб очень добрый и смешной дядя из семьи наших друзей (тех самых, что отдали нам собаку). Он повесился на чердаке своего дома, потому что не смог побороть себя и начал объедать свою семью уже в начале первой блокадной зимы.

...Мы уже часто, хотя и недалеко от станции гуляли с папой вдоль железнодорожной насыпи в поисках съедобной травы. Один раз во время такой прогулки встретились с низко летящим прямо навстречу нам «мессером», который поливал из пулемета насыпь, станционные постройки и стоящие рядом с вокзалом поезда и вагоны. И хотя никто этому не учил, мы оба дружно шлепнулись животом на черную от гари и мазута щебенку и от страха пролежали столько времени, что, как потом с усмешкой вспоминал папа, этот самолет уже успел вернуться на базу. «Или его сбили сталинские соколы», — будучи большим оптимистом, добавлял я.

Так выглядела моя страна, у которой потом чудом хватило сил распрямиться после войны, навести в ней порядок, поднять детей и вырастить из них красивых и талантливых людей. Сын нашей спасительницы через какое-то время, не без помощи моего отца, подготовился и поступил в Политехнический институт и стал, судя по весточкам от него, крупным инженером на одной из многих послевоенных строек.

Труд и быт пожарной команды МПВО химфака

ОСЕНЬ–ЗИМА 1941–42 гг.

Подготовила к публикации **Нина Наумовна ЖЕРВЭ**, заведующая научно-экспозиционным сектором Музея истории СПбГУ

Воспоминания **Тамары Анатольевны СОКОЛОВОЙ**, ветерана труда и войны, в 1939–1942 годах студентки химического факультета ЛГУ

2 сентября 1941 года возвратился в Ленинград пешком из села Б. Виттолово отряд студентов ЛГУ, создававших противотанковые рвы на Лужском оборонительном рубеже в июле, рывших окопы на Пулковских высотах в августе. 3 сентября получаем новое поручение администрации ЛГУ — противопожарное.

Требовалось проверить начатое ранее затемнение, светомаскировку в аудиториях, лабораториях, продолжить ее, так как предстояли учебные занятия. На нашем III курсе в расписании была военная и техническая химия.

Одновременно продолжаем укрепление стекол в окнах крестообразными наклейками из полосок бумаги. Со студентами работают сотрудники администрации, в том числе ректор Университета Александр Алексеевич Вознесенский.

Оставшиеся в Ленинграде члены комсомольского и профсоюзного бюро факультета, возглавляемые Димой Маранджевым и Володей Кортон, с заместителями

декана факультета Евсеем Марковичем Роднянским и Ароном Соломоновичем Броуном с начала сентября подбирают наиболее ответственных, дисциплинированных студентов в состав пожарной команды факультета. Включаются в список девушки и юноши, которые по возрасту или по болезни не подлежат призыву.

Фугасная бомба, упавшая 8 сентября 1941 года на здание нашего общежития на 5-й линии В. О., разрушила половину здания. Комната, где я проживала, находилась в разломе, пол был опасно наклонен, не стало части стены. До возвращения большинства студентов в общежитие бытового отряд, в котором работали и наши юноши — химики, не призванные в армию по причине слабого зрения и заболеваний сердца, Виталий Гольданский, Коля Кузнецов и другие, разбирали завалы, спасая живых. Мертвых оказалось 70 человек.

В Ленинграде в начале сентября 1941 года начались пожары в домах. Это и подтолкнуло не откладывать дежурства членов пожарной команды, а начать немедленно дневные и ночные

ФОТО: ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Т. А. СОКОЛОВОЙ

Студентка **Тамара СОКОЛОВА**
до войны

дежурства на всех постах чердака химфака с 9 сентября 1941 года.

Список пожарной команды в приказ ректору подан, когда пожарная команда была проверена в работе. К приказу ректора от 30 сентября 1941 года за № 530 приложен список пожарной команды химического факультета ЛГУ. Работа пожарной команды химфака была организована не по графикам и вызовам на дежурства, а с определением каждому бойцу пожарной команды

своего поста. На свой пост мы приходили в определенный час: дневные пожарные утром, ночные — вечером.

Мне досталось ночное дежурство. Пост определен у окна, выходящего на Средний проспект Васильевского острова, напротив табачной фабрики, в западной части чердака. Дежурила на посту одна. В более отдаленных углах чердака на посты определено по два дежурных. Мостовая по проспекту была булыжной, скатывавшиеся с крыши зажигательные бомбы в этой части попадали на камни мостовой, поэтому их можно было не тушить. На камнях они не могли вызвать пожара, затухали.

Часть девушек, бойцов пожарной команды, проживала в разрушенном бомбой 8 сентября здании общежития на 5-й линии В. О. В рамках окон ни в одной комнате не осталось стекол. В некоторых уцелели стекла в форточках. В эти комнаты мы и расселились. Пространство между рамами закрыли матрацами, форточку оклеили газетами для светомаскировки, пока в доме было электричество. Ни плиток, ни электронагревателей в наших комнатах и раньше не было, не разрешалось. Собирали это правило и тогда, когда в доме не было отопления.

Позднее не стало ни тепла, ни света, ни воды, ни туалета. На чердаке химфака было теплее, чем в комнатах общежития: рама слухового окна не была разбита. Мы нигде не ходатайствовали о переселении, т. к. считали, что все в городе живут не лучше.

Ночные дежурные утром немного согревались в одной из лабораторий химфака, где выполняли другую работу в созданной по инициативе комсомольцев мастерской по изготовлению оружия против фашистских танков. По условиям работы здесь периодически зажигались бен-

ФОТО: LIVEINTERNET.RU/USERS/3689014

зиновые горелки. Работа эта сочеталась с дежурствами на чердаке в первые два месяца осени, пока были материалы для создания зажигательных бутылок против танков врага.

В одной из лабораторий оказался запас металлического натрия. Собрали везде, где можно, стеклянные бутылки, подобрали в лаборатории пробки с просверленными отверстиями или сами их сверлили. Втягивая полужидкий натрий в стеклянные трубочки, спускали порцию его в узкую тонкостенную стеклянную пробирку, отверстие которой запаивали над горелкой. Пробирка и была основной частью зажигательной бутылки, наполненной водой. При умелом забрасывании на танк наши пробирки, удерживаемые в горлышке бутылки пробками, должны были легко разбиваться, после чего и начиналась реакция воды, вытекающей из разбитой бутылки, с натрием, известная из школьного учебника химии. Танк врага должен загореться.

После работы в мастерской у ночных дежурных оставалось время до лекций побывать в студенческой столовой в здании физического факультета, где все еще что-то для наших талонов по карточкам готовили. После

Девушки-бойцы противовоздушной обороны несут боевое дежурство на крыше. Ленинград. 1942 год

двух лекций выкупали паек и успевали перед ночным дежурством поспать в своих холодных комнатах. Лекции читались до декабря. Студентам, продолжавшим учиться и работать, начислялась стипендия.

Количество ночных постов на чердаке химфака было больше, чем дневных, т. к. налеты вражеских бомбардировщиков ночами были более массированными, со сбросом фугасно-зажигательных бомб.

На постах было все для сбрасывания с крыши на землю зажигательных бомб малого калибра и для тушения незначительного возгорания. Был на посту багор или длинный деревянный шест с металлическим крюком на конце, чтобы через слуховое окно можно было сбросить «зажигалку» на мостовую. Были щипцы для захвата бомб, упавших близко к окну. Если бомба упала на крышу далеко от окна, приходилось через слуховое окно вылезать на крышу. «Зажигалки» напоминали смятые железные ведра, из которых зловеще сияли синеватые или красноватые языки пламени.

Налеты были не каждую ночь, но и тогда, когда

не было воздушной тревоги, мы обычно не общались на чердаке, прислушивались, не появится ли звук летящего самолета. Дежурили в полной темноте. На посту был песок в ящике. А с расположением огнетушителей во всем здании химфака мы были ознакомлены все. Пользоваться огнетушителями нас учили на занятиях по военному делу.

В одну из осенних ночей (даты никогда не записывала) раздался оглушительный грохот внутри здания. По звуку определила, куда упала бомба, и (так как мой пост был недалеко от лестницы) первой достигла места ее падения. Внутри аудитории лежала огромная груда мусора из обломков перекрытий, пробитых фугасной бомбой. Мусор загорался, пламя растекалось по груде.

Струю огнетушителя направляю на пламя, но в это время взорвалась с шипением и выбросом жидкости вторая часть бомбы — зажигательный снаряд замедленного действия. Языки пламени увеличились, лизнули меня спереди, загорелся ворс на пальто. Но огромными асбестовыми рукавицами, которые всем пожарным были выданы, быстро сбросила с себя пламя и продолжила поливать. Охватило волнение, что одной не справиться.

Через несколько минут добавилось, мне показалось, до десятка огнетушителей. И еще произошел взрыв, но с небольшим увеличением пламени. Вместе справились. Не допустили большого пожара. А гореть было чему. В помещении были не только обломки дерева перекрытий, пол был деревянный, деревянная мебель.

С повязкой на голове после тушения пожара я некоторое время была популярна не только на своем факультете: в столовой физфака подходили «экскурсии» обедающих посмотреть на обож-

женную. Защитить от ожога лоб, брови, неприкрытую часть волос при взрыве зажигательного заряда бомбы не удалось. Но восстановление прошло быстро, без воспаления.

Доказательством, что команда работала весь период бомбардировок Ленинграда с воздуха, являются официальные данные о том, когда бомбардировки окончились. После 31 декабря 1941 года, по данным сводки, бомбардировки с воздуха прекратились. Но воздушные тревоги были и в 1943 году, продолжался начатый еще в сентябре 1941 года артиллерийский обстрел города. До победы было еще далеко, но результаты работы студентов на постах защиты от пожаров обсуждались на XI конференции ВЛКСМ ЛГУ 14 декабря 1941 года.

После трехмесячного непрерывного, почти каждую ночь, дежурства на посту пожарного, от голода (нам пришлось пережить и 125 граммов хлеба в сутки, так как студенты считались служащими), от длительного переохлаждения некоторые из нас, в том числе и я, не могли поднимать не только огнетушитель, но и шест для сбрасывания зажигалок. Пришлось признаться в деканате. Нас в декабре заменяли более здоровыми студентками, не имевшими поручений.

По согласованию с заместителями декана я перешла работать в оборонную мастерскую при театре им. Ленинского Комсомола, где выполняли задание нашей действующей армии: шили аппликации для маскировки танков на зимних стоянках. Наши условия жизни в общежитии не изменились. С начала октября мы не снимали пальто в комнатах. Спали в пальто. На свои кровати к одеялу добавляли матрацы. На химфаке нам в ноябре наливали в спиртовку денату-

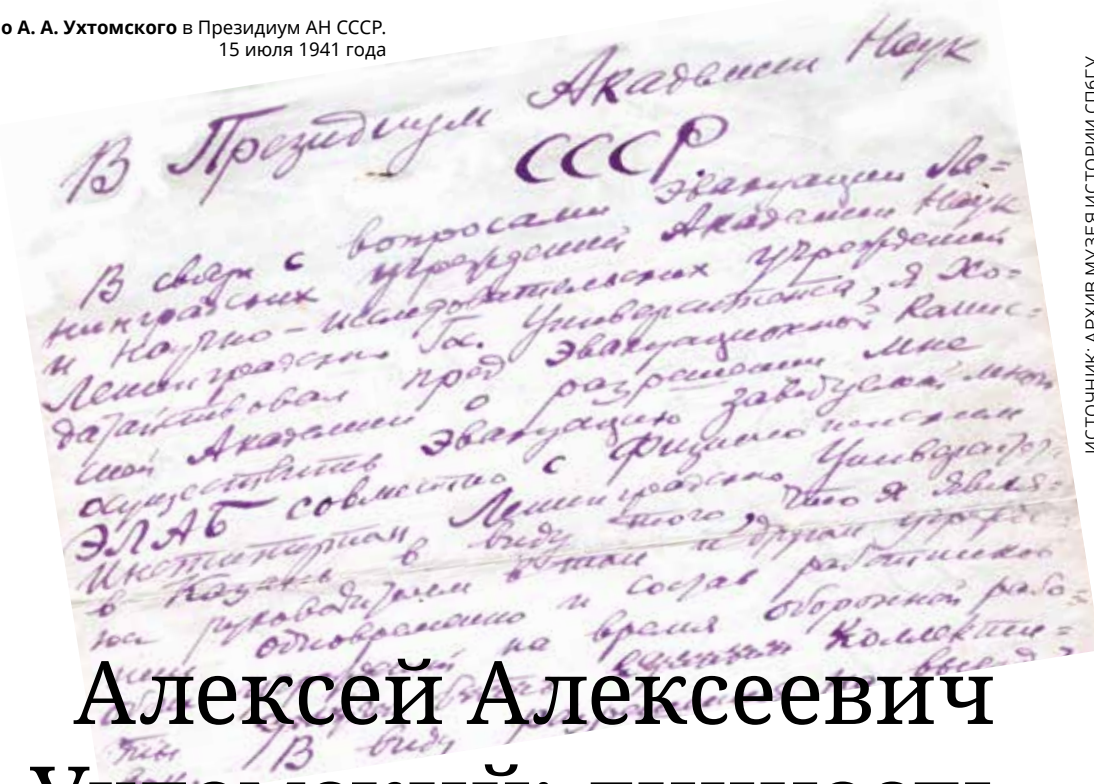
рат. Колбу со снегом вечером нагревали на спиртовке. Могли выпить горячей воды, согреть руки у колбы.

Когда денатурат кончился, руки и воду по вечерам мы грели над тарелкой с костром из конспектов Гали и чьих-то чужих, брошенных в комнате. Мои конспекты вместе с некоторыми документами рухнули со стеной и тумбочкой в груды кирпичей после бомбардировки. В комнатах общежития холод был как на улице, в доме только разрушенное паровое отопление, никаких печек.

На работе среди большого числа людей холод переносился легче. Была возможность иногда чуть-чуть согреться у печки. Посреди огромного зала фойе стояла печка-временка с котлом, в котором кипятилась вода с небольшим количеством муки. Время от времени здесь можно было погреть окоченевшие руки, с тех пор изуродованные, а в середине дня налить в свой ковшик питье с мукой.

В середине января 1942 года нас из разбомбленного общежития перевели в дом на 7-й линии В. О., где до этого проживали аспиранты. В доме холодно, но есть печки. Хотя сил было мало, мы с соседкой отпросились с работы на день, чтобы на санках привезти несколько поленьев от главного корпуса ЛГУ. Радость была невероятная. Топили только вечером, экономно. Но рядом впервые за зиму была печка. На улице нам случайно удалось найти веточку ели, видимо, упавшую с грузовика. В одном из ящиков стола в доме нашли столярный клей. Сварили суп из клея с иголками елки. Ужин памятен на всю жизнь.

В январе и феврале 1942 года мы в 19 лет выглядели семидесятилетними. Такими оставались и в период эвакуации, хотя постепенно хлебный паек увеличивался...

ИСТОЧНИК: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПБГУ

Алексей Алексеевич Ухтомский: личность ученого в период блокады

Автор: **Андрей Борисович ИЗОТОВ**, заведующий сектором музея истории СПбГУ, к. и. н.

В апреле 1941 года академик Ухтомский закончил обработку своих лекций по физиологии нервной системы и передал рукопись в издательство Университета. В то же время он приступил к подготовке курса лекций для студентов философского факультета, который был намечен на осень 1941 года. Приблизительно в это время Алексей Алексеевич составил пятилетний план исследовательской работы физиологов Университета, но выполнение плана было сорвано начавшейся войной.

С первых дней Великой Отечественной войны академик Ухтомский приступил к перестройке научных исследований своих лабораторий и Физиологического института университета для нужд обороны страны. Он выступал на общеуниверситетских митингах с яркими речами,

призывая студентов и преподавателей к сплочению, руководил подготовкой для эвакуации в Елабугу и Саратов сотрудников и лабораторного имущества. Значительная часть его аспирантов ушла в ряды народного ополчения и РККА. 17 июля 1941 года большая группа университетских физиологов покинула Ленинград и эвакуировалась в Елабужский филиал университета. Эрванд Шамирович Айрапетьянц, а также исследователи М. П. Березина, Н. В. Голиков и П. О. Макаров приступили к работе в военных госпиталях города. Академик Ухтомский участвовал в организации научной работы на нужды обороны, руководил исследованиями по травматическому шоку, столь значимыми для военного времени. Работал над курсом лекций «Очерк физиологии нервной системы» (опубликован в 1945 году). Алексей Алексеевич с первых дней войны до перебазирования в тыл

лабораторий ЛГУ и Академии наук систематически читал лекции для студентов.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ШОКА

Ухтомский с 7 июля организовал исследования по травматическому шоку и привлек к этой работе исследователей Ивана Алексеевича Ветюкова, Николая Васильевича Голикова, О. И. Романенко и Екатерину Николаевну Сперанскую. Задачей этих исследований было выяснить, какие мероприятия будут наиболее эффективны для борьбы с шоком. В фондах Музея истории СПбГУ сохранился документ, написанный рукой академика Ухтомского 15 июля 1941 года. Также есть машинописный вариант с правкой автора от 18 июля. Он пишет об эвакуации части Физиологического института Университета: «Вследствие решения Наркомпроса РСФСР от июля с. г. и дирекция Лен. гос. университета от июля

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2015

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УХТОМСКИЙ

родился в селе Вослома Ярославской губернии 25 июня 1875 года. Его отец, крестьянин, в 1902 году переехал с семьей в Петербург. Алексей Ухтомский окончил Московскую духовную академию в 1898 году, Петербургский университет — в 1906 году, стал работать на кафедре физиологии человека и животных. Руководил ей с 1922 года до самой своей смерти. В 1911 году защитил магистерскую диссертацию. Основываясь на трудах Ивана Михайловича Сеченова, Николая Евгеньевича Введенского и Чарльза Шеррингтона, ученый открыл один из основных принципов деятельности нервной системы, назвав его доминантой. По определению Ухтомского, доминанта — это установка группы нервных центров на определенный уровень и характер раздражителей при одновременном подавлении «посторонних», не связанных с данными раздражителями импульсов. Изложенное в работе «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923), учение Ухтомского широко используется в медицине, психологии и педагогике. В 1932 году Алексей Алексеевич стал членом-корреспондентом АН СССР, в 1935 году — академиком. С 1937 года он был директором электрофизиологической лаборатории АН СССР.

с. г. требуется в кратчайший срок перевести часть научно-исследовательской работы Института из Ленинграда в другой город. Выполнение оборонной проблемы «Травматический шок и его профилактика и терапия» возложить на две группы, из которых одна группа подлежит переводу в другой город, другая группа остается в Ленинграде. Общее руководство обеими группами

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПБГУ

остается за мною. <...> Штат Института сохраняется неизменным».

В период с 7 июля по 25 сентября были проведены опыты. Ухтомский изучал отечественную и зарубежную литературу по шоку и некоторым проблемам патофизиологии. Чтобы ознакомить своих учеников с клиническими вопросами, он пригласил С. А. Миропольского осенью 1941 года выступить с докладом «Белковый обмен при газовой гангрене» в его лаборатории. Г. Е. Владимиров выступил с темой «Некоторые особенности обмена веществ при анаэробной инфекции». 15 сентября 1941 года опыты по изучению шока были прекращены из-за отсутствия животных и эвакуации ряда сотрудников Ухтомского. Однако в его лаборатории происходили заседания семинара для научных работников, оставшихся аспирантов и студентов старших курсов.

УХТОМСКИЙ ОСТАЕТСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

Отправив своих сотрудников в Елабугу, Свердловск и Саратов, Алексей Алексеевич остался в Ленинграде, отклоняя неоднократные предложения ректора эвакуиро-

Алексей Алексеевич УХТОМСКИЙ и директор Научной библиотеки ЛГУ **Иван Иванович КОРЕЛЬ** на выставке к 120-летию Университета, 1939 год

ваться. Ухтомский отказался уехать по нескольким причинам. Он был убежден, что успех фашистов временный, что скоро их отбросят от Ленинграда. Тяжело заболела Надежда Ивановна Бобровская, няня Елизаветы Ухтомской, сестры Алексея Алексеевича. После смерти своей воспитанницы в 1907 году она переехала в Петербург и опекала Ухтомского в продолжение 34 лет. 6 июня 1941 года у нее произошло кровоизлияние в мозг. Алексей Алексеевич оставил ее у себя в квартире и ухаживал за ней до смерти, последовавшей 25 сентября 1941 года. Наконец, здоровье самого Ухтомского резко ухудшилось: развивалась гипертония, прогрессировала спонтанная гангрена на ногах и появились первые признаки рака пищевода. Он мужественно работал над учебником, переписывался с эвакуированными учениками, руководил их исследованиями, посещал Университет.

После прохождения медицинской комиссии выяснилось, что Алексей Алексеевич Ухтомский болен гипер-

тонией, кардиосклерозом, эндартериитом и эмфиземой легких, однако рак пищевода не обнаружили. Он не вел записей о своем здоровье, оставляя только замечания по поводу работы сотрудников, делая выписки из научной литературы. По состоянию здоровья он не имел возможности выехать из города, поэтому со стороны Ленинградского совета и Университета ему была оказана материальная помощь.

Биохимик Александра Ильинична Колотилова свидетельствует, что встретила Ухтомского в Университете в конце октября 1941 года и спросила его, почему он не эвакуировался. Он ответил, что остался в Ленинграде, чтобы закончить работу, и что жить ему осталось недолго. Эти слова были следствием его объективной оценки своего тяжелого состояния. По воспоминаниям Марии Илларионовны Прохоровой, Ухтомский во время блокады посещал Университет, руководил работой оставшихся сотрудников, надолго задерживался в лаборатории и часто приходил в лабораторию биохимии ночевать. С середины декабря 1941 года Ухтомский стал реже посещать лабораторию: часть сотрудников эвакуировались, другие тяжело болели, не было топлива, света и животных. В трудных условиях жизни, испытывая мучительные боли, он с упорством продолжал работать над учебником. Он также проводил конференции и семинары с сотрудниками Университета по вопросам, связанным с оборонной тематикой. Его пример стойкости и бесстрашия воодушевлял окружающих его работников. Один из коллег Ухтомского Иван Алексеевич Ветюков вспоминал, как в ноябре 1941 года Алексей Алексеевич проводил очередное совещание с сотрудниками кафедры и Физиологического института в своем

университетском кабинете. Раздался свист летящего снаряда, по соседству упал второй снаряд, разорвался, стекла в комнате затрещали. Сотрудники встали и предложили Алексею Алексеевичу на время обстрела идти в безопасное место, на что он кратко ответил, что совещание будет продолжаться.

2 декабря 1941 года в актовом зале состоялось заседание к 50-летию сдачи экзаменов Владимиром Лениным по юридическому факультету, где академик Ухтомский выступил с докладом. В зале было около 600 человек. Необычно и в то же время показательно, что Алексей Алексеевич говорил о традициях русской науки, о будущем Университета после победы в войне, в то время как мысли многих людей были ограничены только военными событиями.

Состояние здоровья Ухтомского быстро ухудшалось. В марте 1942 года был подтвержден диагноз — рак пищевода и гангрена. Врач В. И. Сазонтов предложил Алексею Алексеевичу госпитализацию и проведение операции, но тот отказался. При каждом посещении пациента он констатировал прогрессирование болезни. Однако Ухтомский преодолевал слабость, спрашивал Сазонтова о Пермском университете, интересовался его работой в военном госпитале. Также он торопился закончить обработку стенограмм своих лекций. Один из его сотрудников Малышев обратился к Алексею Алексеевичу с просьбой быть оппонентом его докторской диссертации. Ухтомский согласился, прочитал работу, написал отзыв и решил сам присутствовать на защите в Зоологическом институте Академии наук, которая состоялась 25 июня 1942 года. С тех пор он уже никуда не выходил. Ухтомский писал своему ученику Юлию Михайловичу Уфлян-

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2015

ду в Свердловск: «Я болен и с трудом представляю себе, как мне удалось бы выехать к сотрудникам, о которых мое сердце болит все более! Надеюсь выехать в Елабугу на этих неделях, пока тепло...»

Ученик Ухтомского Николай Парфирович Мовчан служил в авиации и, прилетев в Ленинград, навестил своего учителя и убеждал покинуть город на его самолете. Алексей Алексеевич отклонил его предложение, ссылаясь на то, что для окончания своей рукописи необходимо взять много книг, а в военный самолет их не поместить. Он интересовался делами на фронте, спрашивал о боях советской авиации с немцами.

27 сентября 1942 года институт экспериментальной медицины провел научное совещание, посвященное 93-летию со дня кончины Ивана Петровича Павлова. К заседанию академик Ухтомский подготовил тезисы «Система рефлексов в восходящем ряду».

Тяжелобольной старейший профессор Университета до последних дней продолжал трудиться. Он умер 31 августа 1942 года в Ленинграде и был похоронен на Волковом кладбище. На доме, где в 1906–1942 годах жил ученый (16-я линия Васильевского острова, 29), установлена мемориальная доска. Высоко оценив научное наследие Алексея Алексеевича Ухтомского, СНК СССР 6 февраля 1944 года вынес решение о публикации его научных трудов. Издательство Ленинградского университета в 1945–1954 годы выпустило пять томов собрания сочинений академика, сделав его творчество достоянием широкого круга исследователей в области физиологии и медицины, а его личность — примером выдающегося ученого для современных и последующих поколений.

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2015

на улице, стояли мертвые дома без света в окнах, трупы в лохмотьях валялись в подворотнях, на снегу, в залитых нечистотами скверах среди заиндевевших деревьев, нигде не видно было живой души.

Александр Иванович думал не об этом. Он придумывал оправдание для того, чтобы отрезать тонкий ломтик хлеба от кусочка, оставленного на утро, с той его стороны, которая была неровно отрезана и где торчал край корочки. Но он так и не придумал себе оправдания и стал ложиться спать.

Александр Иванович снял большие неуклюжие валенки и поставил их сушиться на остывающую печурку. Эти валенки, казалось, стояли там как человек, у которого голова и туловище уничтожились, исчезли, и только ноги еще сохраняли свое неверное существование, почерпывая жизненную теплоту от остывающего железа.

(Отрывок из рассказа

М. И. Стеблин-Каменского «Дракон»)

«Нетленный стебелек на камне»

Автор: Татьяна Кирилловна МИХАЛКОВА, выпускница ЛГУ 1972 года

27 января мы вспоминаем тех, кто пережил ленинградскую блокаду. Среди них был и Михаил Иванович Стеблин-Каменский, не отпавший на фронт по состоянию здоровья и оставшийся охранять сокровища Пушкинского дома, где он тогда работал.

Михаил Иванович Стеблин-Каменский. Это имя знакомо каждому, кто так или иначе связан со скандинавистикой, ибо никогда не канет в Лету имя человека, заложившего основы изучения и преподавания скандинавских языков в нашей стране, основоположника отечественной школы скандинавистики, выдающегося лингвиста и литературоведа. Казалось, этому человеку была подвластна любая область гуманитарного знания: по-

мимо научных изысканий и разработки лекционных курсов, он оставил интересные путевые заметки о традициях тех стран, которые посетил (особенно хочется выделить среди них Исландию, язык, литературу и культуру которой Михаил Иванович фактически открыл для советского читателя). Сейчас, когда ученики и последователи Михаила Ивановича скрупулезно изучают его наследие, открываются все новые и новые грани его биографии — творческой и чисто человеческой.

Михаил Иванович вел дневник, сохранились некоторые его письма, он писал стихи и прозу, и многое из этого теперь стало достоянием гласности. Широкий резонанс получил его рассказ «Дракон», опубликованный впервые уже после смерти Михаила Ивановича, в 1989 году в журнале «Нева», № 1.

Публикации было предпослано предисловие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Через год «Дракон» был переведен на английский, а еще через два года — на исландский язык (переводчиком выступил исландский ученый Хельге Харальдссон, стажировавшийся в ЛГУ у Михаила Ивановича в конце 60-х годов прошлого века). А в 2010 году рассказ «Дракон» в сокращенном виде опубликовала газета «Петербургский дневник». Позже это небольшое литературное произведение вызвало довольно оживленную дискуссию в Интернете. Встает вопрос: почему?

В блокаду жена Михаила Ивановича Стеблина-Каменского была призвана, и он остался в осажденном городе с маленьким ребенком на руках. Тогда он и написал своего «Дракона», но прошло более сорока (!) лет, прежде чем рассказ этот увидел свет.

В 90-ые годы 20 века в ЛГУ была организована выставка, посвященная преподавателям филфака — блокадникам, фронтовикам, участникам войны. Там была маленькая фотография Михаила Ивановича и еще «Справка». Текст ее гласил: «Выдана М. И. Стеблину-Каменскому в подтверждение того, что он жив». Лаконичная, но потрясающая запись.

Рассказ «Дракон», пересказывать который я считаю делом неблагоприятным, — читайте сами, он не так велик по объему — был неожиданным и смелым освещением блокадных будней. Тем более ценен он как рассказ участника этих событий, записанный в то время, когда эти события происходили. Михаил Иванович не очернил подвиг ленинградцев (как это часто делают теперь), он просто посмел сказать о том, о чем отваживались во время блокады говорить немногие. Да, был самоотверженный труд детей и подростков у станков — они заняли место ушедших на фронт отцов и старших братьев; в военном госпитале врач отдавал свою кровь заведомо обреченному пациенту; солдат на улице делился хлебным пайком с незнакомым ребенком; Таня Савичева делала скупые и страшные записи в своем дневнике; художница Анна Петровна Остроумова-Лебедева оставила потомкам зарисовки блокадного города и суровую хронику блокадных дней; безымянные герои отдавали свои жизни на Дороге жизни, чтобы спасти жизни чужие... Все это было, но было еще и многое другое. Кто-то пустил предательские ракеты, указывавшие врагу на особо значимые городские объекты. Кто-то продавал на рынке кошку под видом кролика (за баснословную цену). Кто-то вырезал куски человеческого мяса из трупов, сброшенных на лед Фонтанки. Кто-то отнимал

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Весь период блокады провел в Ленинграде. Его кандидатская диссертация была посвящена древнеанглийскому поэтическому стилю и называлась «К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии)». Филологический факультет был эвакуирован тогда частично в Саратов, частично в Ташкент, где и состоялась защита (1943). Сам ученый на защите не присутствовал, что допущено для лиц, находившихся на фронтах войны (блокадный Ленинград приравнялся к фронту). Изучая древнеанглийскую поэзию, Стеблин-Каменский заинтересовался древнескандинавской литературой, а позже и скандинавскими языками. В 1945 году он стал докторантом филологического факультета ЛГУ. Его докторская диссертация называлась «Поэзия скальдов». Ее защита состоялась в 1948 году, после чего Стеблин-Каменский стал сначала доцентом, а затем и профессором на скандинавском отделении ЛГУ.

у слабых хлебные карточки. Кто-то «чистил» покинутые эвакуированными квартиры. Все это тоже было, и надо было иметь огромную смелость, чтобы об этом сказать открыто — тогда, когда все еще молчали.

Вот герой «Дракона», ученый-филолог, проходит через двор с замерзшими нечисто-

27 ЯНВАРЯ 1944 — 27 ЯНВАРЯ 2015

тами и думает о том, что он уже не ученый и никогда им не сможет стать снова — все его мысли, первоначально проводившие параллели между ленинградской блокадой и подобными событиями в мировой истории, теперь заняты чисто бытовыми проблемами: он гибнет как ученый. Этой теме тогда касаться просто боялись. Прозревал ли Михаил Иванович свою возможную судьбу? Боялся ли этого? Наверное, да. К счастью, подобного не произошло. Во время войны Михаил Иванович заочно защитил кандидатскую диссертацию, он не просто выжил — он победил, и, пожалуй, такая победа не менее значима, чем победа на фронте. Это победа силы духа.

В сентябре 2013 года в Университете отметили 110-летие со дня рождения Михаила Ивановича Стеблина-Каменского. В аудитории было много студентов; они знают Михаила Ивановича только по его книгам, мне же выпало счастье еще учиться у него в 70-е годы прошлого века. Дело Стеблина-Каменского живет, кафедра, созданная и длительное время возглавляемая им, существует как один из крупнейших центров подготовки специалистов по скандинавистике в нашей стране. Петербург вновь стал средоточием отечественных скандинавских исследований, каким был ранее Ленинград.

У многих наших скандинавистов принято было вести «гостевые книги», где пришедший в гости мог оставить запись. Была такая книга и у Михаила Ивановича. Одну запись сделал в ней как-то его аспирант, талантливый ученый, впоследствии эмигрировавший в США. Это были стихи. В них автор обыгрывал фамилию Михаила Ивановича. Он написал: «Нетленный стебелек на камне». Так оно и оказалось. Так оно и есть. И так будет всегда.

Открыта подписка на электронную версию

Уважаемые читатели, теперь у вас есть возможность получать новые выпуски журнала «Санкт-Петербургский университет» в формате PDF на свой электронный почтовый ящик. Для этого достаточно оформить бесплатную подписку на сайте <http://journal.spbu.ru>

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

27 ЯНВАРЯ

в Екатерининском зале Таврического дворца Межпарламентской ассамблеи СНГ открывается историко-художественная выставка «Подвиг Ленинграда», посвященная Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Основу выставки составят фотоматериалы и находки, обнаруженные отрядом «Ингрия» за 15 лет деятельности отряда.

31 ЯНВАРЯ

состоится международный лыжный поход, посвященный 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Поход проводится в рамках международного проекта «Вместе навсегда — Россия — Беларусь — Казахстан». Маршрут похода: ст. Апраксин — ур. Тортолово — ур. Гайтолово — Двор охраны — ур. Гонтовая Липка — Роцца «Круглая» — Рабочий поселок №7 — Мемориал «Синявинские высоты». Поход будет сопровождаться рассказом о боевых действиях, проходивших в этих местах в 1941–1944 годах. К братским могилам, памятникам, обелискам будут возложены цветы, произведен салют.

НИС ТУТА PERENNAT

*...Зачем же ты меня изобразил
Такой отважной и такой прекрасной,
Как женщину в расцвете лучших сил,
С улыбкой горделивою и ясной?
Но, не приняв суровых укоризн,
Художник скажет с гордостью, с отрадой:
— Затем, что ты — сама любовь и жизнь,
Бесстрашие и слава Ленинграда!*
Ольга Берггольц. Ленинградке. 8 марта 1942

*...Друг, товарищ, там, за Ленинградом,
Ты мой голос слышал, за кольцом,
Дай мне руку! Прорвана блокада.
Сердце к сердцу — посмотри в лицо.*
Елена Вечтомова. Блокада прорвана! 1943

*...Идет на запад ленинградский воин.
Ты имя это с честью назови.
Он Ленинграду верен. Он достоин
Его бессмертной славы и любви.*
Михаил Дудин. Без названия. Июнь 1944

*...Сегодня праздник в городе. Сегодня
мы до утра, пожалуй, не уснем.
Так пусть же будет как бы новогодней
и эта ночь, и тосты за столом.
Мы в эту ночь не раз поднимем чаши
за дружбу незапятнанную нашу,
за горькое блокадное родство,
за тех, кто не забудет ничего.*
Ольга Берггольц. 27 января 1945 года. 1945